

А. Г. Брикнер

Иван Посошков

Часть 1. Иван Посошков как ЭКОНОМИСТ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Г. Брикнер**
Иван Посошков: Часть 1. Иван Посошков как экономист / А. Г. Брикнер – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 366 с.

ISBN 978-5-4241-6874-1

ISBN 978-5-4241-6874-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

Исторія общества въ эпоху Петра Великаго мало разработана. О томъ, какъ относились современники къ дѣятельности великаго преобразователя, мы знаемъ почти исключительно изъ дѣлъ Преображенскаго тайнаго приказа. Намъ извѣстны главнымъ образомъ отъемыми противниковъ реформы, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Такихъ противниковъ было много, какъ мы узнаемъ изъ исторіи стрѣльческаго бунта, изъ исторіи раскола, изъ исторіи царевича Алексѣя Петровича и т. д. Иванъ Посошковъ говоритъ: „Нашъ монархъ на гору апче самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?“¹⁾ Множество данныхъ, сообщенныхъ г. Соловьевымъ въ „Исторіи Россіи“, показываетъ намъ, какъ многимъ „становилось тѣсно отъ государя“, какъ многіе жаловались, что со времени вступленія на престолъ Петра „свѣтлыхъ дней не видали“, что „отдыху нѣтъ“, что „тягота на міръ“ и т. д. Называли Петра „міроѣдомъ“, „антихристомъ“, удивлялись тому, „что его по ся мѣсть не уходятъ“, „нигдѣ его не убьютъ“ и пр.

Петръ, какъ представитель эпохи просвѣщеннаго деспотизма, не могъ быть останавливаемъ подобными знаками общаго и повсемѣстнаго неудовольствія. Онъ былъ правъ, утверждая, „что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ объ общемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“²⁾. Онъ считалъ себя въ правѣ по случаю казни стрѣльцовъ возразить патриарху, желавшему остановить страшныя мѣры Петра:

¹⁾ Соч. I, 95.

²⁾ Соловьевъ, XV, 96 и 97.

„Я исполняю свою обязанность и дѣлаю благоудное дѣло, защищая народъ“¹⁾). Не даромъ Фридрихъ Великій замѣтилъ о Петрѣ: „Il travaillait sur sa nation comme de l'eau forte sur le fer“.

Въ то время общество, слѣдившее за образомъ дѣйствій правительства, еще не имѣло возможности высказывать своего мнѣнія о современныхъ событіяхъ въ печати. Литература вообще, а публицистика въ особенности, не имѣли простора. При изученіи эпохи Петра, мы, къ сожалѣнію, лишены почти вовсе того важнаго пособія, которое заключается въ памятникахъ словесности. По крайней мѣрѣ сія послѣдніе лишь рѣдко имѣютъ предметомъ вопросы государственнаго и общественнаго состоянія и развитія. Понинъ, впрочемъ, исторіографія, имѣвшая главнымъ предметомъ политическія событія и развѣ только въ видѣ исключенія обращавшая вниманіе на состояніе и развитіе общества, мало нуждалась въ такого рода источникахъ. При новѣйшемъ направленіи исторической науки однако исторія общества, исторія народа, исторія умственной и нравственной атмосферы все болѣе и болѣе становятся важнѣйшимъ предметомъ вниманія историковъ. Мы не только желаемъ узнавать о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ законодателей, администраторовъ, полководцевъ; намъ кажется, по крайней мѣрѣ, столько же любопытнымъ отношеніе къ нимъ общества. Кромѣ немногихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ политической исторіи, наше вниманіе обращаетъ на себя и сцена, на которой происходятъ событія. Кромѣ инициативы правительства, оказывается важною и почва, на которой оно дѣйствуетъ болѣе или менѣе успѣшно. Понинъ при разборѣ исторіи эпохи Петра гораздо болѣе вниманіемъ пользовался молотъ: наковальня же оставалась на заднемъ планѣ.

Ничто столько не содѣйствовало приведенію въ ясность главныхъ вопросовъ исторіи дореволюціонной Франціи какъ изученіе состоянія французскаго общества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, оппозиціонной литературы, публицистики вообще; изученіе писемъ Юніуса вводитъ насъ во всѣ существенные вопросы политической исторіи Англіи въ эпоху царствованія Георга III; „*Epistolae obscurorum virorum*“ и пасквили противъ средневѣковой церкви можно отнести къ самымъ важнымъ матеріаламъ для исторіи періода реформація въ Германіи; комедіи Аристофана служатъ важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи пелопоннесской войны. Отсутствие подобныхъ памятниковъ сло-

¹⁾ Устряловъ, III, 216.

вности при изученіи исторіи эпохи Петра Великаго затрудняетъ занятія историческаго изслѣдователя. Между тѣмъ какъ государи и министры-преобразователи на западѣ могутъ считаться учениками современной имъ литературы просвѣщенія, Петръ не могъ находиться подъ вліяніемъ какой-либо партіи прогрессивныхъ писателей въ Россіи. Направленіе общественнаго мнѣнія доходило до свѣдѣнія правительства, главнымъ образомъ, въ застѣнкахъ Преображенскаго тайнаго приказа, публицистики не было; общимъ правиломъ было глубокое молчаніе.

При всемъ томъ однако общество въ Россіи не переставало слѣдить за дѣйствіями правительства, разсуждать о нихъ, хотя и не громко. Рѣдко масса народа одобряла мѣры Петра; чаще, гораздо чаще, она осуждала ихъ. Заговоры и бунты, неосторожныя рѣчи недовольныхъ, революціонныя движенія въ различныхъ классахъ общества, безпрестанныя полицейскія распоряженія начальства для подавленія мятежнаго духа доказываютъ, каково было броженіе умовъ. Посошковъ былъ правъ: миллионы тянули подъ гору.

Чѣмъ болѣе становились мало по малу извѣстными данныя, относящіяся къ этому движенію массы противъ Петра, тѣмъ болѣе любопытнымъ должно считать историческій матеріалъ, доставляющій намъ возможность ознакомиться съ взглядами того меньшинства въ народѣ, которое вполне сочувствовало Петру и его преобразовательной дѣятельности. Вотъ почему изученіе литературной дѣятельности Ивана Посошкова можетъ служить значительнымъ пополненіемъ историческаго матеріала, относящагося къ исторіи Петра.

Посошковъ можетъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ представителемъ литературы просвѣщенія XVIII вѣка. Онъ заслуживаетъ нѣкоторымъ образомъ названіе энциклопедиста, потому что его сочиненія затрогиваютъ множество наукъ, мѣстами заключаютъ въ себѣ столь же любопытныя обобщенія и тезисы, какъ сочиненія знаменитыхъ публицистовъ запада. Исходною точкою для Руссо и для Монтескье, какъ и для Посошкова, служатъ основныя понятія о человѣколюбіи, о правдѣ и о нравственности вообще. Обсуждая вопросы законодательства, администраціи, школы, церкви, народнаго хозяйства, общественной нравственности и т. д., онъ соединяетъ понятія объ общихъ началахъ съ техническимъ знаніемъ дѣла. Не будучи литераторомъ, онъ можетъ быть названъ публицистомъ; не бывши философомъ, онъ былъ столь опытенъ въ дѣлахъ общежитія, что имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ право повторить изреченіе: „Nihil humani

я me alienum puto". Его начитанность ограничивалась знакомством со Священным Писаниемъ и нѣкоторыми произведеніями духовной литературы, но дѣла, приключенія обиденной жизни, путешествія въ различныя области Россіи, отношенія къ различнымъ сословіямъ и къ органамъ правительства служили ему полезною школою. Главнымъ наставникомъ его былъ Петръ Великій, который, подобно Посошкову, былъ самоучкою, котораго, также какъ Посошкова, воспитывала жизнь, и который, какъ и крестьянинъ села Покровскаго, былъ горячимъ патриотомъ, предприимчивымъ и смѣлымъ преобразователемъ и подѣ часъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Оба любили не только учить, но и учиться. Оба сознавали необходимость крутыхъ реформъ. Оба предлагали сильныя мѣры, для исцѣленія язвъ въ общественномъ организмѣ Россіи. А между тѣмъ Петръ и Посошковъ едва знали другъ друга лично. Мы увидимъ, что сначала между ними существовали кое-какія официальные сношенія; но попытки Посошкова сблизиться съ Петромъ въ послѣднее время жизни обоихъ не увѣнчались успѣхомъ. Вѣроятно, Петръ и не подозрѣвалъ, что въ скромномъ крестьянинѣ онъ имѣлъ ревностнаго сотрудника въ дѣлѣ реформы, что „мизирнѣйшій и всенижайшій рабичишъ“ во всю свою жизнь трудился на пользу Россіи и государя, и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые „самъ-десять съ монархомъ тянули на гору“.

Другіе публицисты XVIII вѣка, богатые теоріями и предлагавшіе важныя реформы, находили гораздо легче способы обращенія на себя вниманія публики и правительства. Нѣкоторые изъ нихъ даже занимали высокія мѣста въ обществѣ или въ государствѣ. Тюрго былъ министромъ, Адамъ Смитъ имѣлъ прямое и сильное вліяніе на законодательство не только Англій, но и другихъ государствъ. Они, разумѣется, гораздо лучше Посошкова были приготовлены къ практической политической дѣятельности; да и почва, на которой они дѣйствовали, была лучше приготовлена для приведенія въ исполненіе широкихъ преобразовательныхъ мыслей и смѣлыхъ проектовъ реформы. Хотя однако Посошковъ образованіемъ, начитанностью, опытностью въ политическихъ дѣлахъ далеко уступаетъ корифеямъ западно-европейской литературы просвѣщенія, многія высказанныя имъ мысли и соображенія, многія общія положенія и выводы отличаются тою ясностью и мѣткостью, которыя встрѣчаются въ знаменитѣйшихъ произведеніяхъ публицистики въ западной Европѣ.

Разумѣется, во многихъ отношеніяхъ Посошковъ оказывается отсталымъ сторонникомъ старины, ограниченнымъ борцомъ за предраз-

судьи и суеверіе; чаще однако онъ является смѣлымъ прогрессистомъ, радикальнымъ преобразователемъ, мѣстами даже, по крайней мѣрѣ по тогдашнимъ понятіямъ, отчаяннымъ проводникомъ новыхъ революціонныхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ и на самаго Петра, и на всю эпоху Петра, соединявшихъ въ себѣ въ странной смѣси старое и новое, кнутъ и пытку XVII столѣтія и либерализмъ XIX вѣка, грубость нравовъ прежнихъ временъ и утонченность послѣдняго времени, восточный деспотизмъ, отчасти даже китаизмъ до-Петровской Россіи и зачатки коренныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Такъ, и Посошковъ, съ одной стороны, отстаиваетъ самыя сложныя приемы полиціи и бюрократіи, а съ другой — является ревностнымъ поборникомъ свободы личности. Въ одно и то же время онъ, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Домостроя“, ратуеть противъ новыхъ идей въ области педагогики и религіи и — признаетъ результаты новаго просвѣщенія и требуетъ коренныхъ измѣненій относительно быта духовенства. Въ главахъ нѣкоторыхъ онъ могъ казаться слишкомъ ревностнымъ защитникомъ казенныхъ интересовъ; другіе съ удивленіемъ могли прислушиваться къ его предложеніямъ устроить что-то въ родѣ законодательнаго собранія. Съ одной стороны, Посошковъ, хотя и самъ крестьянинъ, осуждаетъ рѣзко испорченность крестьянскаго сословія и можетъ казаться противникомъ крестьянской реформы; съ другой — онъ за полтора вѣка дѣтъ до этой реформы предлагаетъ важныя мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Съ одной стороны, ему и въ голову не приходитъ, что пытка есть бессмысленное, варварское и нисколько не цѣлесообразное учрежденіе, а съ другой — онъ относительно судопроизводства высказываетъ понятія, достойныя создателей закона „Навеас саргис“.

Нѣтъ основанія видѣть во всемъ этомъ противорѣчіе, отсутствіе послѣдовательности или логичности мыслей. Онъ былъ произведеніемъ этой эпохи; сильная, упорная борьба противоположныхъ мнѣній должна была и въ умныхъ, просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ людяхъ, любившихъ отечество и стремившихся къ истинѣ, породить такую смѣсь различныхъ мнѣній. Въ отношеніи ко многимъ вопросамъ Посошковъ далеко предупредилъ своихъ современниковъ, въ отношеніи къ другимъ онъ раздѣлялъ всецѣло понятія и убѣжденія большинства послѣднихъ. Увлекаться слишкомъ далеко, выдумывать утопіи было для него невозможно уже потому, что онъ и по своему образованію, и по своему общественному положенію былъ

чуждъ всякому доктринерству и схематизму. Практика воспитывала его. Вся его литературная дѣятельность имѣла лишь одну практическія цѣли.

Цѣлью нашего разсужденія служить разборъ жизни и публицистической дѣятельности Ивана Посошкова. Прежде всего мы укажемъ на то вниманіе, которымъ пользовался Посошковъ у потомства, на то мѣсто, которое принадлежитъ ему въ русской исторической литературѣ. Затѣмъ мы предлагаемъ очеркъ біографіи Посошкова. Наконецъ, мы надѣемся подвергнуть разбору взгляды Посошкова на главные вопросы общежитія, на религію и церковь, на правосудіе и полицію, на финансы и войско, на торговлю, промышленность и земледѣліе.

Историческая литература объ Иванѣ Посошковѣ.

Полторасто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Посошковъ. Не ранѣе однако какъ сто почти лѣтъ тому назадъ имя Посошкова впервые является въ печати. Значитъ, въ продолженіе полулѣта послѣ кончины извѣстнаго весьма лишь немногимъ лицамъ сотрудника Петра Великаго не было со стороны исторической науки обращено почти никакого вниманія на личность и дѣятельность Посошкова. Нѣкоторыя изъ его сочиненій и понынѣ остаются не открытыми, другія были найдены случайно и постепенно въ продолженіе послѣдняго столѣтія.

Нельзя однако сказать, чтобы Посошковъ въ первыя десятилѣтія, слѣдующія за его кончиной, оставался совершенно неизвѣстнымъ русской публикѣ. Существовало нѣсколько списковъ главнѣйшихъ его сочиненій. Здѣсь и тамъ встрѣчаются намеки, изъ которыхъ видно, что эти сочиненія читались, переписывались и могли имѣть нѣкоторое вліяніе на современниковъ императрицы Елизаветы и Екатерины.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ рукописномъ отдѣлѣ бібліотеки Императорской Академіи Наукъ были найдены списки нѣкоторыхъ сочиненій Посошкова. На послѣдней страницѣ списка гманныаго изъ нихъ — „О скудости и богатствѣ“, висѣлъ отъ себя или по указанію академическаго бібліотекаря прибавилъ: „Списана 1752 года, а для списанія получена отъ г. совѣтника Михаила Васильевича Ломоносова“. Гдѣ взялъ Ломоносовъ свой списокъ, съ котораго велѣно было снять копию, неизвѣстно. Въ журналѣ канцеляріи Ака-

деинъ Наукъ, 11-го февраля 1752 года, говорится только: „Книгу, называемую о скудости и богатствѣ, въ вѣдомствѣ ассессора и унтеръ-библиотекаря г. Тауберга, на чисто переписать и по переписани... оригиналь внести въ канцелярiю“.

Съ почину Ломоносова дѣло пошло, какъ видно, дальше. Въ академической библиотекѣ есть рукопись подъ заглавiемъ: „Книга о раздѣленiи земли пашенной по росписанию крестьянскаго тягла десяти, пятинъ, четвертей, полчетвертей и поль-полчетвертей и меньши, описанное какъ государевыхъ сель, такъ и черныхъ волостей, помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по качеству въ плодородiю доброй, средней и худой земли“. Въ концѣ (стр. 61) писецъ замѣтилъ: „Списана при Академии Наукъ 1755 года“. На какомъ основанiи и когда въ первый разъ рукопись академической библиотеки приписана была Посошкову—остается покуда неизвѣстнымъ. Но касательно одного небольшого сборника in-fol. въ академической библиотекѣ это не подлежитъ сомнѣнiю: не только въ каталогѣ академическихъ рукописей, составленномъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтiя, сочинителемъ значится Посошковъ, но тоже выходитъ и изъ другихъ обстоятельствъ, такъ что нѣтъ болѣе надобности и доказывать это. Въ концѣ сборника присовокуплено: „Съписана изъ книгъ бывшаго при синодѣ оберъ-секретаря Леванидова 1756 году мая 18 дня“. Въ концѣ первой статьи, имѣющей заглавiе: „Прозекъ о школахъ“, написано „Убогiй земледѣлецъ, Московскiй уроженецъ Иванъ Посошковъ“¹⁾. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка занимались уже Посошковымъ. Между владѣльцами списковъ или рукописей его сочиненiй встрѣчаются членъ Академии Наукъ, знаменитый Ломоносовъ, и оберъ-секретарь синода.

Изъ другихъ данныхъ видно, что другое сочиненiе Ивана Посошкова, „Отеческое завѣщанiе къ сыну“ пользовалось вниманiемъ частныхъ лицъ, а именно купцовъ и крестьянъ. На рукописи этого сочиненiя, открытой и изданной недавно г. Андр. Поповымъ, сохранились помянутыя разныхъ почерковъ записи прежнихъ владѣльцевъ: 1) „Сия книга дому Московской второй гильдiи купца Якова Петрова 1760 г. ноября дня“. 2) „Сия книга крестьянина Финюгена Степановича Давыдова“. На оборотѣ послѣдняго листа дѣтскимъ почеркомъ написано:

¹⁾ См. *Записки Импер. Академии Наукъ*, V, 62—63: Извѣстiе о недавнихъ сочиненiяхъ Ивана Посошкова, акад. А. Куника.

„Милостивому моему государю и братцу“, и затѣмъ повторена записка: „Сия книга Московской второй гильдіи купца Іоакима Петрова“¹⁾.

Отсюда видно, что это сочиненіе Посошкова въ то время служило чтеніемъ для людей скромнаго состоянія. Въ кругахъ крестьянъ и купцовъ, быть можетъ, встрѣчались еще другіе списки этого труда. Содержаніе „Отеческаго завѣщанія“ было общедоступно; оно имѣло общій правоучительный характеръ. Поэтому такое сочиненіе весьма удобно могло служить подаркомъ въ семействахъ.

Однако не ранѣе 1772 года имя Посошкова какъ писателя было упомянуто въ печати, а именно въ „Опытѣ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ“ Николая Новикова (С.-Пб. 1772). Вотъ отзывъ его: „Посошковъ Иванъ. Изъ сочиненій его осталась только книга о скудости и богатствѣ, хранящаяся рукописною въ Императорской бібліотекѣ“.

Немногимъ позже, а именно въ 1793 году, впервые явилось въ печати одно изъ мелкихъ сочиненій Посошкова. Въ Москвѣ было открыто письмо Посошкова къ Головину и издано въ 1798 г. Ѳ. Розановымъ подъ заглавіемъ: „Россіянинъ промедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Феодору Алексѣевичу Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отеческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писано въ 1708 году. Издвленіемъ Ѳ. Розанова“ (въ 16-ю долю, 123 стр.). Въ этой брошюрѣ, значить, были напечатаны двѣ рукописи, изъ которыхъ только первая и обширнѣйшая была сочиненіемъ Посошкова. Имя автора втораго сочиненія — письма къ сыну въ Голландію — осталось неизвѣстнымъ. Напрасно это послѣднее сочиненіе г. Погодинымъ, а вождѣ за нимъ нѣкоторыми другими учеными было считаемо также за сочиненіе Ивана Посошкова. Въ особенномъ изслѣдованіи мы старались доказать, что нѣтъ основанія приписывать Посошкову этотъ трудъ, и что, напротивъ, нѣкоторые довольно сильные поводы заставляютъ думать, что письмо къ сыну было писано какимъ-либо дворяниномъ и богатымъ человекомъ²⁾.

Ѳ. Розановъ не приложилъ никакого комментарія къ своему изданію, не занялся разборомъ содержанія издаваемаго имъ сочи-

¹⁾ См. Завѣщаніе отеческое къ сыну. Соч. *Ив. Посошкова*, откр. и издано *Андр. Поповымъ*. Москва, 1873, стр. III.

²⁾ См. *Русскій Вѣстникъ*, 1874 августъ, стр. 779—826: «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову».

венія Посожкова и ограничено слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Сие старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно, ибо показываетъ образъ мыслей, каковой имѣли Русскіе мнѣвшаго столѣтія о новыхъ въ государствѣ нашемъ европейскихкихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предразсудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Посожкова, до тактики касающіяся, не смотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Разчисленія его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ опародамъ. Въ похвалу сочинителя служить то, что онъ писалъ отъ добраго сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ опущалъ похвалу, отъ государевыхъ предвѣщаній происшедшую, но не въ силахъ былъ, по непросвѣщенію своему, проникать далѣе“.

Митрополитъ Евгений, въ своемъ „О русскіихъ свѣтцахъ писателяхъ“ называя два сочиненія Посожкова: 1) „О скудости и богатствѣ“ и 2) донесеніе Головину, изданное Розановымъ, замѣчаетъ при этомъ, что первое сочиненіе, писанное въ 1724 году, хранится рукописнымъ въ Императорской бібліотекѣ, что сочинитель въ припискѣ говоритъ, что писалъ эту книгу три года, и что она посвящена государю Петру Великому.

Вѣроятно, и Евгений и Новиковъ, говоря о рукописи сочиненія „О скудости и богатствѣ“, хранящейся въ Императорской бібліотекѣ, имѣли въ виду ту самую рукопись академической бібліотеки, о которой было упомянуто выше.

Въ 1815 году, въ первой части *Русскіихъ дванадцатилетностей*, издаваемыхъ Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихихъ, было помѣщено К. Ф. Калайдовичемъ открытое имъ между рукописями Московской типографской синодальной бібліотеки „Донесеніе Ивана Посожкова“, писанное къ митрополиту Стефану Яворскому, тогдашнему бібліотечному ватріаршескаго престола. Калайдовичъ не упоминаетъ при этомъ случая о главномъ сочиненіи Посожкова „О скудости и богатствѣ“, на которое упоминали Новиковъ и Волоскитинъ. Онъ замѣчаетъ въ предисловіи: „Имя Посожкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предисловію, поданному боярину Федору Алексѣевичу Головину, относяще-

муса въ военной наукѣ (изданному г-мъ Розановымъ)*. Кажется, Калайдовичъ не сдѣлалъ той ошибки, которую, какъ ми видѣли, дѣлали другіе ученые, приписывая письмо въ смыу, находившемуся въ Голландіи, также Посошкову. Онъ упоминаетъ лишь о донесеніи Головину.

Калайдовичъ также не сопровождаетъ своего изданія замѣчаніями или комментаріемъ. Онъ говоритъ только: „Должно дивиться излишеству мыслей, не весьма обниженныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образоваться своихъ врожденныхъ способностей“.

Въ продолженіе слѣдующихъ десятилѣтій никто не обращалъ вниманія на жизнь и сочиненія Посошкова, пока наконецъ въ 1842 г. не явилось въ печати приготовленное М. П. Погодинымъ изданіе: „Сочиненія Ивана Посошкова, изданныя на издѣніи Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“.

Г. Погодину посчастливилось найти списокъ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ между разными книгами, купленными Т. Θ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ, въ 1840 г., послѣ покойнаго И. И. Лаптева, извѣстнаго собирателя отечественныхъ древностей. Въ введеніи къ своему изданію г. Погодинъ сообщаетъ намъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело на него чтеніе этой драгоценной рукописи. Его поразила полнота содержащаяся въ этомъ сочиненіи изслѣдованія о состояніи Россіи во время Петра I, многосторонность, съ которою Посошковъ обсуждалъ разные государственные вопросы, смѣлость и мѣткость, съ которыми онъ предлагалъ важныя политическія мѣры, подобныя тѣмъ, которыя прославились царствованія Екатерины II и Александра I. Г. Погодинъ называетъ Посошкова гениальнымъ, великимъ русскимъ политикомъ-самоучкою, удивляется тому, что Посошковъ „лѣтъ за пятьдесятъ до политической экономіи въ Европѣ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями (системами), а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни“.

Г. Погодинъ въ изданіи дотогѣ неизвѣстнаго сочиненія О, скудости и богатствѣ“ присоединилъ второе изданіе уже извѣстныхъ вышеупомянутыхъ сочиненій Посошкова, изданныхъ Розановымъ и Калайдовичемъ, и при этомъ случаѣ, введенный въ заблужденіе неясностью заглавія въ изданіи Розанова, считалъ и письмо въ смыу, находившемуся въ Голландіи, сочиненіемъ Посошкова. Въ предисловіи